

пучек в его безбрежной толпе, как вы понимали пошлую банальность представлений о людях искусства как непременно созданий искусства. Болезненно некрасивый Гоголь, неповоротливо огромный Варламов, шупленький, незаметный Михаил Чехов, похожий на шишковато-высохшее дерево Олеша — право же, все они

женщинами, баллами. Вегные вы, вегане, вы так и будете думать, что любовь — это нечто «пролетарско-крестьянское», и только после рабочего дня, и только в коммуналной квартире, и только с погашенным светом, и только для того, чтобы рожать рахитичных детей, ползающих вокруг вновь без наслаждения и страсти бере-

она в их комедиантской манере, где уже предсказана трагическая судьба человека, если он захочет быть человеком в бесчеловечном обществе.

И наконец, жемчужина его театра — «Человек с портфелем», пьеса, сразу же покорившая театры, актеров, зрителей, гремевшая на весь свет, великая еще и

бездумно растратившая свои духовные богатства, не возвращаясь к ним, будто бы все, что накоплено, — фальшиво, не нужно в новую историческую дорогу. А ведь лучшие пьесы Алексея Файко не архив, они — острейшая социальная самокритика, они — поистине наша драматургическая классика.

ПРОЗРЕНИЯ РУДОЛЬФА ХАЧАТРЯНА

«Его искусство служит строительству общего храма»

Инесса Родионова

Вернисаж

ВЫСТАВКА народного художника Армении Рудольфа Хачатряна в ЦДХ называется «Метаморфозы». Она занимает громадную территорию, но и здесь с трудом удалось разместить лучшее из того, что сделал художник за тридцать пять лет творчества. А сделал он нечеловечески много и буквально ошеломил знавших его прежде. За последние три года, что он работает в Англии, он написал 800 работ (часть из них уничтожил), в которых его видение мира обрело абсолютно новые формы. Метаморфозы так велики, что, переходя из зала в зал, кажется, что попадаешь на экспозицию разных авторов.

И тем не менее художник Хачатрян — один во всех лицах. В его работах причудливо соединились различные слои мировой культуры, старой и совсем новой. Разные стили — это лишь витки одной спирали, которая ведет Мастера все дальше и выше. Однако начну по порядку, в той временной последовательности, как задумана эта ретроспективная выставка.

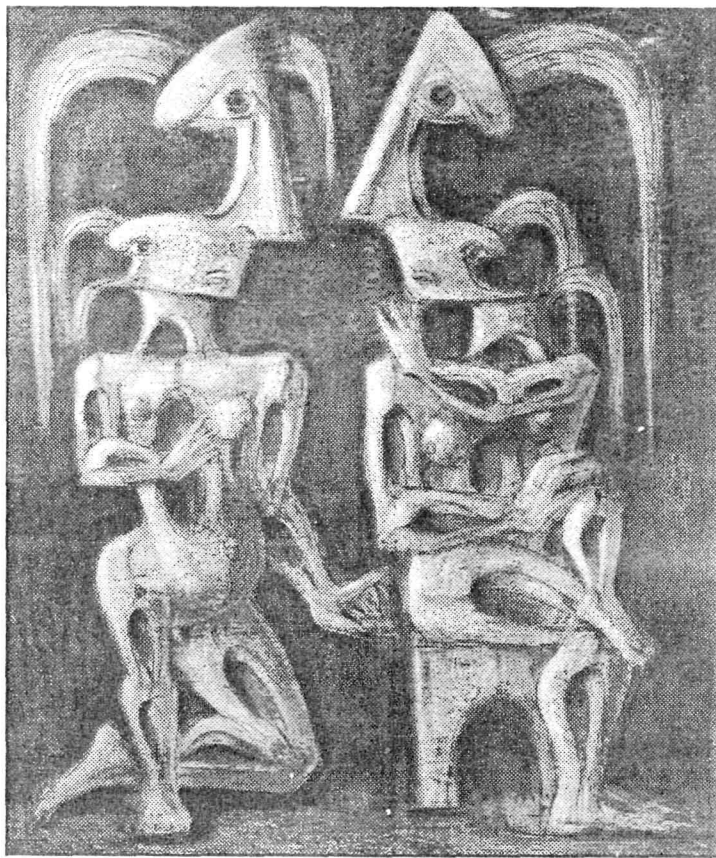
Она начинается серией рисунков из цикла «Старый Ереван». Очень маленькие филигранные рисунки, заключенные в большие паспарту, притягивают как драгоценные камни. Это период ученичества — художнику еще нет двадцати лет — но он безошибочно отыскивает в памяти истоки. Конечно же, это в традиции его великих учителей, художников Высокого Возрождения, и самого любимого из них — Леонардо. Эти традиции продолжены в портретах 70-х годов, и трудно сказать, что в них восхищает больше — тончайшая, какая-то воздушная техника или сами персонажи. Их художник наделяет особой значительностью, гармонией, почти обожествляет. Для него шекспировское «человек — венец природы» — неоспоримо. Некоторая стилизация в этих портретах подчеркивает мысль о том, что человек духовно и физически неразрывно связан с предшествующими временами и принадлежит вечности. Таков, к примеру, «Портрет жены» (1973 г.), замечательный театральный художницы Натальи Шнайдер-Хачатрян. Она изображена в венке полевых цветов то ли в образе Офелии, то ли воплощает вечную женственность.

В мужских портретах главное — мощь и величие духа, которые открыли в человеке мастера Возрождения. Вообще, среди портретов Хачатряна не встретишь рефлексировующих моделей. Художника притягивают люди, которые знают что-то очень важное о жизни. Лучше всего это могли бы подтвердить его автопортреты (он писал себя не меньше 10 раз), но, к сожалению, выставка вместила только некоторые из них.

С 1970 года Рудольф Хачатрян

«Мне кажется, это все — Армения», — ответил он. Лучше не скажешь. Вся мировая культура прошла через его душу, сделала его «гражданином мира», но корни остаются прежними.

Около десяти лет назад в Москве была персональная выставка Хачатряна (ею открывалось новое здание Музея народов Востока). Тогда он буквально потряс всех портретами и натюрмортами, выполненными в новой технике — на левкасе (особым способом за-

«Диалог», 1991г.

постоянно живет в Москве. В эти годы его моделями часто становятся друзья-армяне, которых уже не увидишь, как прежде, в любой день и час. В их портретах, нередко стилизованных и мифологизированных, на первом плане стойкость и мужество — те «генные» черты, которые у древнего и многострадального армянского народа навечно запечатлены в их лицах.

И еще о национальном. Рудольф Хачатрян вырос в Ереване. Много лет прожил в Москве, сейчас работает в Англии. На пресс-конференции его спросили: «Вы не хотите написать об Армении?» —

грунтованных досках). Частично они представлены в нынешней экспозиции.

Открытие новой техники удестирило силу и энергетику полотен Хачатряна. Графика уже воспринимается как живопись, еще монументальнее сделался человек, еще напряженнее стала его внутренняя жизнь. Натюрморт (мертвая природа) воспринимается как одушевленная часть мира человека и как нетленная материальная культура сама по себе. Глиняные кувшины, жестяные чайники, сухие букеты — все эти обыденные атрибуты уже не обидны после того, как художник

вложил в них свою любовь. Работа 1982 г. «У окна» (с маленькой девочкой справа) — это городской пейзаж и детский портрет одновременно. Ребенок смотрит в восьмьюглазное окно, и невольно вместе с ним всматривается в мир и зритель. И хотя видит он дома современного города, в душе у него поселяется покой и гармония, как будто он живет в эпоху Ренессанса. Еще несколько шагов и... вот в этот момент вы думаете, что забрели на другую выставку.

Это итоги последних трех лет, проведенных в Лондоне. Художник жил почти как отшельник, отчасти оттого, что вокруг, что ни говори, чужая страна, но главное, что в нем мощным потоком как будто прорвалось абсолютно новое ощущение мира. Сразу огорюсь: не «как будто» и не «абсолютно». В конце шестидесятых молодой Рудольф экспериментировал с так называемой «открытой формой», за что едва не был изгнан из Союза художников, а тираж литографии чудом избежал ареста. Это были работы из другого времени. И вот через двадцать лет художник вернулся к принципу «открытых форм», и это стало его новым могучим взлетом. Он по-прежнему в ладу с этим миром, только видит его теперь совсем по-иному, иным зрением, каким-то третьим глазом. И рождаются невиданные фантастические образы — уже не совсем людей, а каких-то существ, то ли населявших землю миллиарды лет назад, то ли пришедших из недр ее, а может быть, космоса. Ясно одно — они живые. Разрабатываются те же традиционные мотивы, но теперь через условную пластику художник хочет прозреть сущность вещей, борьбу начал в природе и их божественный баланс. Какими бы разорванными ни казались формы картин Хачатряна, он властной рукой собирает их в единое пластическое целое, и композиция приходит в равновесие, к гармонии, которой отмечено все, что он делает.

Эксперименты Хачатряна в области техники непредсказуемы, и об этом, без сомнения, будут писать много и подробно. Скажу одно: иногда кажется, что его модернистские вещи написаны на старых досках; и тогда ассоциации из его «классического» периода переплетаются с памятью о древних камнях его родины. Мне понравилось, как сказал о Хачатряне на церемонии открытия выставки представитель армянской церкви: «Его искусство служит строительству общего храма».

Независимая газета
26 ноября 1993 г.